

УДК: 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-8

Даценко П. А.

Иоганн Карл Бертрам Штюве
и проблема объединения Германии в 1848–1849 гг.*

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды и политика ганноверского министра внутренних дел Иоганна Карла Бертрама Штюве относительно революции 1848 года в Германии. Хотя Штюве считался одним из видных представителей немецкого либерализма, в 1848 году он, в отличие от многих либеральных деятелей, поддержавших и даже возглавивших революционные процессы, почти с самого начала отнесся к деятельности Франкфуртского национального собрания со скепсисом. Штюве, стоявший на принципах законности и незыблемости прав отдельных немецких земель, видел в политике революционного парламента угрозу грубого вмешательства во внутренние отношения германских монархий без учета их специфики, а в создании временного имперского правительства эрцгерцога Иоганна – фактическое отстранение монархов и их правительств от обсуждения будущей германской конституции. Парадоксальным образом Штюве, проводя в Ганновере либеральную модернизацию, в германском вопросе демонстрировал почти консервативную оппозицию революционным органам и стремился ограничить проведение их постановлений в Ганновере, рассчитывая на поддержку других правительств, в первую очередь, Пруссии. Этот курс хотя и не характеризовал Штюве как консерватора и противника революции, но все больше отделял его от большинства либеральных политиков. В силу этого Ганновер, в отличие от южногерманских земель, уже в 1848 году вступил на путь пассивного сопротивления революционным органам и разрабатывавшейся ими общегерманской конституции.

Ключевые слова: Ганновер; германский вопрос; 1848 год; Штюве; Пруссия; Австрия; конституция; либерализм

Для цитирования: Даценко П. А. Иоганн Карл Бертрам Штюве и проблема объединения Германии в 1848–1849 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 85-96. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-8

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

P. A. Datsenko

**Johann Carl Bertram Stüve and the Problem
of German Unification in 1848–1849***

State Academic University for the Humanities,
26 Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia; *dacenko3322@mail.ru*

Abstract. This article examines the views and policies of the Hanoverian minister Johann Carl Bertram Stüve during the 1848 revolution in Germany. Although Stüve was one of the most prominent representatives of German liberalism in 1848, unlike many liberals who supported and even led the revolutionary processes, he was sceptical of the activities of the Frankfurt National Assembly almost from the start. Stüve was committed to the principles of legality and the inviolability of the rights of the individual German states, and he saw in the policy of the revolutionary parliament a danger of interference in the internal relations of the German monarchies without taking account of their specific features, and in the creation of the provisional imperial government of Archduke Johann – the exclusion of the monarchs and their governments from the discussion of the future German constitution. Paradoxically, Stüve, who carried out liberal modernisation in Hanover, showed almost conservative opposition to the revolutionary forces in the German question and sought to limit the implementation of their decisions in Hanover, counting on the support of other governments, especially Prussia. This course did not characterise Stüve as a conservative opponent of the revolution, but it did set him increasingly at odds with other German liberals. As a result, Hanover, unlike the southern German states, adopted a policy of passive resistance to the revolutionary bodies and their work on the German constitution as early as 1848.

Key words: Hannover; German question; 1848; Stüve; Prussia; Austria; constitution; liberalism

For citation: Datsenko P. A. (2024), “Johann Carl Bertram Stüve and the Problem of German Unification in 1848–1849”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 85-96, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-8

История королевства Ганновер, существовавшего с 1815 по 1866 гг., не так часто привлекает внимание российских исследователей¹. В то же время в силу ряда обстоятельств это было одно из наиболее уникальных государств эпохи Германского союза. Эти обстоятельства, однако, носили преимущественно негативный для самого Ганновера характер. Во-первых, даже

формальная самостоятельность Ганновера была неполной в силу личной унии с Великобританией, разорванной лишь в 1837 г. после вступления на английский престол королевы Виктории. Во-вторых, политические возможности Ганновера ограничивало его уязвимое географическое положение: территория королевства была окружена с востока и с запада прусскими

* The article is prepared in the State Academic University for the Humanities as a part of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

¹ Применительно к XIX веку интерес к истории Ганновера пока сохраняется в контексте истории Пруссии и наполеоновской эпохи. См.: (Стерхов, 2022).

провинциями, а его южная часть была отделена территорией герцогства Брауншвейг, что затрудняло еще и торгово-экономическую политику королевства. В-третьих, внутреннее развитие Ганновера было нестабильным: в 1830-х гг. в нем разразился конституционный кризис, достигший пика в 1837 г., когда реакционный курс нового короля Эрнста Августа I был поддержан бундестагом Германского союза. Итогом этого стала отмена либеральной конституции 1833 года и политические преследования ее сторонников. Самым ярким эпизодом этого преследования стало изгнание из Гёттингенского университета семи профессоров, среди которых были братья Якоб и Вильгельм Гримм, а также будущий министр внутренних дел Иоганн Карл Бертрам Штюве.

Штюве считался одним из самых образованных и прогрессивных деятелей своего времени, что обусловило устойчивый интерес исследователей к его вкладу в развитие немецкого права и либерализма². Наряду с Людвигом Виндхорстом его характеризуют как виднейшего представителя ганноверских (и в целом немецких) старолибералов, отделяя их при этом от поколения более радикальных в германском вопросе ганноверских младолибералов, чьи представители (Рудольф фон Беннигсен, Иоганн Микель, Готтлиб Планк и др.) позже стояли у истоков малогерманского Национального союза (John, 1987: 75-77; Anderson, 1981: 75-77).

В отличие от многих упомянутых деятелей Штюве не принимал активного участия в политической жизни Германии в годы ее объединения Бисмарком, пик его политической карьеры пришелся на революцию 1848 г., когда он был призван в

состав нового «мартовского» кабинета на пост министра внутренних дел. Признанный еще с 1830-х гг. авторитет, а также активная реформаторская деятельность Штюве позволяли ему оказывать влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику правительства, за которую формально отвечал глава кабинета граф Александр Левин фон Беннигсен. Влияние Штюве было столь велико, что сам кабинет часто обозначался как «кабинет Штюве-Беннигсена».

В этих условиях не вызывает удивления, что Штюве не мог обойти стороной главную задачу революции 1848 г. – задачу объединения Германии, причем не только в качестве министра: примерно с осени 1848 г. Штюве стал постоянным автором статей для газеты «Hannoversche Zeitung», и преобладающее число его публикаций (печатавшихся анонимно) было посвящено именно актуальным проблемам и вопросам объединения Германии³. Публицистическое, а также обширное эпистолярное наследие Штюве позволяет реконструировать его политические взгляды и их эволюцию едва ли не более полно, чем любого другого ганноверского государственного деятеля.

Развитие революционного процесса, в котором Ганноверу предстояло выстраивать свою политику, шло весной 1848 г. все стремительнее, что наглядно проявлялось в трансформации общегерманских органов: если в начале марта бундестаг еще сохранял формальное главенство, и центром обсуждения вопросов национального объединения оставался созданный им 10 марта 1848 г. комитет лиц общественного доверия («Комитет 17-ти»⁴), то уже к концу марта –

² Из новейших исследований его биографии см.: (Ipsen, 2019; Heuvel, Brakmann and Reißig, 2024).

³ Список некоторых статей Штюве в «Ханноверше Цайтунг» за 1848–1850-е гг. см.: (Stüve, 1903: 579-582).

⁴ В его состав вошли такие активные деятели либерального движения, как Ф.К. Дальман, М. фон Гагерн, Й.Г. Дройзен, Ф.Д. Бассерман и др.

началу апреля параллельно ему сложилась полностью независимая от него система революционных органов. Ее основой стал выбранный либеральными собраниями «Комитет семи»⁵, по инициативе которого с 31 марта по 3 апреля во Франкфурте был созван Предпарламент. Этот орган поручил разработать избирательный закон и провести выборы в общегерманский парламент еще одному переходному органу – «Комитету 50-ти» (Ростиславлева, 2014: 194). Наконец, 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне начало работу Национальное собрание, а в июле бундестаг Германского союза принял решение прекратить работу, передав все функции временному имперскому правительству эрцгерцога Иоганна.

Многие суждения Штюве о революции, содержавшие негативную критику, зачастую исследовались на основе более поздних его сочинений, написанных уже в 1849-1850 гг., когда кризис революционных органов власти стал очевиден, и Штюве мог намеренно критиковать то, чему в 1848 г. он вполне мог симпатизировать. Тем не менее, многочисленные личные письма 1848 г., в которых Штюве рассуждал о ходе революции и своем отношении к ней, демонстрируют последовательность и неизменность его общих взглядов и приоритетов, которые довольно скоро вступили в противоречие с курсом революционных сил.

Ключевые направления в политическом планировании Штюве обозначились еще до его назначения на пост министра: 17 марта 1848 г. он составил свою программу, в положениях которой доминировал умеренный характер⁶. И во внутренней, и во внешней политике Штюве провозглашал

необходимость либеральных реформ, в значительной степени совпадавших с теми, которые он защищал еще в 1830-х гг. во время ганноверского конституционного кризиса. Германский вопрос в этой программе затрагивался лишь в общих фразах, но даже в них Штюве проявил осторожность, настаивая лишь на ликвидации репрессивных решений 1819, 1832 и 1834 гг. (все они касались запретов и преследований оппозиции), на провозглашении свободы печати и на создании (без подробностей) представительства при бундестаге (Stüve, 1903: 13-14). Штюве, тем самым, призывал не ликвидировать Германский союз, считая, что его основу, обеспечивавшую суверенитет отдельных земель, нужно сохранить, но лишь дополнить неким представительным органом бундестаг, чтобы компенсировать его уже давно критикуемое в либеральной среде бессилие.

Другим проявлением осторожности Штюве было его изначальное дистанцирование от большинства южнонемецких либералов, чьи программы (в частности, Г. фон Гагерн) изначальное казались ему излишне радикальными (Kaune and Reese, 1972: 237-238).

Судить о том, исчерпывались ли этими аккуратными предложениями намерения Штюве в германском вопросе, однозначно нельзя, поскольку в обстоятельствах, в которых составлялась эта программа, Штюве вряд ли мог или хотел сформулировать ее иначе. Этому могло быть несколько причин.

Во-первых, в эти дни Штюве, находившийся в Оснабрюке, узнавал из писем, что пожилой ганноверский король был настолько серьезно болен, что допускалась даже возможность его смерти,

⁵ В него входили преимущественно южнонемецкие либералы, например, Г. фон Гагерн, К.Т. Велькер и глава «мартовского» кабинета в Вюртемберге Ф. Рёмер. Подробнее см.: (Roth and Merck, 1850: 122).

⁶ Текст см.: (Stüve, 1903: 13-16). Умеренность этой программы отчетливо проявлялась уже во фразе: «Их (практические пункты реформ. – П. Д.) следует отложить для будущих законов, распоряжений и т. д., пока же следует все оставить по-старому» (Stüve, 1903: 13).

а кронпринц (будущий король Георг V) был «в такой степени оторван от реальности, что не желает слышать о малейших уступках и ставит в вину своему отцу, что тот уже так далеко зашел» (Stüve, 1903: 8), то есть Штюве по этим новостям мог допустить в ближайшем будущем тяжелый внутренний конфликт, просчитать последствия которого в случае перехода к радикальным преобразованиям было почти невозможно.

Во-вторых, Штюве составил свою программу в момент, когда еще не знал о своем назначении министром (это произошло лишь 20 марта (Ipsen, 2019: 117)) и, вероятно, не был уверен, что именно ему предстоит воплощать ее в жизнь. Судя по всему, главной целью для Штюве было добиться ее обсуждения ганноверским сословным собранием (Kaune and Reese, 1972: 235). В пользу этого говорит реакция Штюве на слухи о его скором призыве в состав кабинета: «Я не гоюсь для этого, знаю это точно. Я не умею организовывать работу других людей, а это необходимое искусство» (Stüve, 1903: 17-18). Не стремясь напрямую возглавить предлагаемые реформы, Штюве был заинтересован в мягких формулировках ее пунктов уже для того, чтобы они наверняка получили одобрение будущего правительства и самого короля.

В-третьих, планируя внешнеполитический курс в текущем кризисе, Штюве не мог не учитывать важнейшего фактора – итогов революции в Австрии и Пруссии. Важность понимания планов последней была особенно необходима в силу географического и экономического положения Ганновера. Поэтому любая программа ганноверского кабинета должна была согласовываться с тем курсом, который примет Пруссия как крупнейшее и влиятельнейшее государство северной Германии. Однако на момент составления программы Штюве еще не

было известно о ходе революции ни в Вене, ни в Берлине⁷. Новости из Берлина в значительной степени влияли на настроения как Штюве, так и других членов будущего кабинета: по мере поступления известий о согласии прусского короля поддержать революционные требования ганноверское правительство все более беспокоил вопрос о защите суверенитета своего королевства. Важность этого вопроса в контексте взаимоотношений с Берлином была особенно актуальной, поскольку именно со стороны Пруссии ганноверские министры ощущали перманентную угрозу поглощения их государства, попытки которого уже предпринимались Пруссией в прошлом (Стерхов, 2022).

Вне зависимости от того, рассчитывал ли Штюве на одобрение своей программы накануне формирования нового правительства или нет, именно она легла в основу заявления нового кабинета от 22 марта 1848 г. Положения о необходимых мероприятиях в общегерманском устройстве перешли туда практически дословно. Также они были повторены в речи А. фон Беннигсена на открытии ландтага 28 марта 1848 г. (Acten-Stücke, 1848: 1-2). Таким образом, именно сформулированные Штюве предложения по германскому вопросу стали частью официальной программы «мартовского» кабинета Ганновера. Тот факт, что Беннигсен как министр иностранных дел не подверг их никаким изменениям, говорит о полном согласии большинства кабинета с этой программой и о гарантированной ими поддержке Штюве и во внешнеполитических вопросах.

Вступив 22 марта в должность министра внутренних дел, Штюве при всем своем авторитете формально не имел компетенции в решении внешнеполитических вопросов, которые были прерогативой графа Беннигсена

⁷ К 18 марта он уже знал о бегстве Меттерниха, но еще не понимал ситуацию в Пруссии, поскольку

информация из газет была весьма противоречива (Stüve, 1903: 9-10).

(Kaune and Reese, 1972: 234). Это препятствие, однако, компенсировалось тем обстоятельством, что в состав новых, возникавших с началом революции общегерманских органов и комитетов от Ганновера направлялись люди, с которыми Штюве находился в тесном контакте. Например, в «Комитет 17-ти» от Ганновера был направлен советник Монастырской палаты (нем. Klostrerrat. – П. Д.) Фридрих Герман Альбрехт фон Вангенгейм, с которым Штюве плотно сотрудничал и уже в 1849 г. назначил его представителем Ганновера в исполнительном органе Союза трех королей.

Еще более важным было назначение в состав Национального собрания (а в 1849 г. – в очередной состав временного правительства) близкого друга Штюве, юриста Иоганна Германа Детмольда, с которым Штюве поддерживал активную переписку, где они делились довольно подробным анализом текущей ситуации, а также взаимными советами и рекомендациями. Их переписка примечательна и тем, что в ней ярко проявились различия в их политических убеждениях: в отличие от Штюве Детмольд изначально принадлежал к крайне консервативным политикам и подвергал почти все решения и проекты Национального собрания жесткой критике. Тем не менее, их диалог на протяжении всего революционного периода не содержал признаков конфликта и сохранял удивительную для столь разных по убеждениям политиков конструктивность и взаимную расположенность.

Не менее важным для Штюве было нейтрализовать автократические взгляды ганноверского короля. Работа в правительстве монарха, 10 лет назад разгромившего либеральное движение и

организовавшего изгнание самого Штюве из Гёттингенского университета, не была простой задачей, но все же в том, что касалось внутренней политики, со стороны короля весной 1848 г. не было сопротивления. Штюве позднее объяснял это прагматизмом короля, когда писал: «Эрнст Август провел долгую часть своей жизни в практике и делах английского парламента и больших партий, которые в реальности и пишут конституцию страны. Он как никто другой владел искусством обращаться с людьми и собраниями <...> пусть он и был несведущ в отдельных вопросах и в начале правления чужой для него страной шел не тем путем <...> он всегда обладал острым и опытным взглядом и твердой рукой» (Stüve, 1900: 26). Несмотря на свою резко консервативную политическую позицию Эрнст Август, осознавая неизбежность определенных реформ и в силу возраста⁸ не имея возможности столь же энергично, как в 1837 г., вмешиваться в работу кабинета, не препятствовал проводимым Штюве внутренним преобразованиям (Ipsen, 2019: 139, 145). Это, однако, отнюдь не означало, что взаимодействие кабинета и короля было бесконфликтным, во внешней политике Эрнст Август был более непреклонен, часто осложняя работу кабинета Штюве-Беннигсена, но при этом неоднократно отказывая ему в отставке⁹. Все же умеренность германской программы Штюве и его опора на прежнюю систему Германского союза (которую нужно было реформировать, но не разрушать) совпадали с позицией короля, и в этих границах их сотрудничество было в целом обеспечено (Stüve, 1900: 27).

Озвучив в своей программе от 17 марта в качестве полезного и нужного

⁸ В июне 1848 г. Эрнсту Августу исполнилось 77 лет.

⁹ В июле 1848 г. он заявил министрам, что примет их отставку только одновременно с собственным отречением, а в 1849 г. – при условии, что сможет

найти «правительство людей чести с программой, при которой власть в Ганновере вообще сможет существовать» (Kaune and Reese, 1972: 252; Ipsen, 2019: 155).

изменения создание национального представительства при Германском союзе, Штюве в то же время не стал развивать эту идею и отказался от подробного изложения деталей и шагов по осуществлению этого преобразования. Понять очертания этой идеи можно было из его оценки выдвигавшихся другими собраниями проектов (наиболее ярко это проявилось в критике программы «Комитета 17-ти» весной 1848 г. (Kaune and Reese, 1972: 244-245), а также из его наблюдений за развитием событий во Франкфурте, где бундестаг постепенно уступал свои полномочия революционным органам. Особенно Штюве беспокоила уступчивость прусского короля революционным программам, оставлявшая Ганновер без весомой внешней поддержки. В подтверждение этого он писал, что, получив 11 апреля известие о поддержке Пруссией решения «Комитета 50-ти» о выборах в Национальное собрание, ганноверский кабинет признал, что «Пруссия во второй раз похоронила надежду найти в ней поддержку» (Stüve, 1900: 32).

Победу «Комитета 50-ти» в соперничестве с бундестагом Штюве оценивал почти как катастрофу (Stüve, 1903: 26-27) еще и потому, что это затрагивало внутреннее положение Ганновера. Утвержденный Предпарламентом избирательный закон, во-первых, противоречил законам королевства¹⁰, и во-вторых, позиционировался во Франкфурте как имеющий приоритет над законами отдельных княжеств. Штюве категорически возражал против этих положений и усматривал в постановлениях революционных органов не только отход от законного порядка, но и провокацию на

конфликт с ландтагом. В своем письме Детмольду 11 апреля он сокрушался: «Мы не можем проводить выборы на основе всеобщего избирательного права и должны идти ва-банк. Как мы это сможем сейчас при таком поведении знати!»¹¹ (Stüve, 1903: 27). Тем не менее, после того как в Пруссии был признан всеобщий принцип, предлагаемый Предпарламентом, у Ганновера фактически не оставалось выбора.

Начало заседаний Франкфуртского национального собрания 18 мая 1848 г. Штюве оценивал двояко. Признавая серьезное влияние собрания в вопросе конституции, он считал, что без опоры на отдельные правительства оно не будет иметь ни сил, ни шансов на выполнение этой задачи (Kaune and Reese, 1972: 248-249). В своей речи 17 мая 1848 г. в нижней палате ландтага он открыто заявил о поддержке «принципа согласованности» между Национальным собранием и отдельными правительствами как об аксиоме ганноверской политики (Hassel, 1898: 612). Эта речь могла быть интерпретирована как протест против национального парламента в целом, и кабинет Ганновера спешил опровергнуть возможные обвинения в принципиальной оппозиции Национальному собранию, уточняя, что Ганновер непременно поддержит полезные решения, но только если они будут выработаны на основе общей работы Национального собрания и германских кабинетов. Последствием этого стало противоречивое отношение Ганновера к инициативе франкфуртских делегатов по созданию верхней палаты – Палаты государств. Несмотря на то что Штюве всячески приветствовал саму идею верхней палаты (Kaune and Reese, 1972: 249), то обстоятельство, что Национальное

¹⁰ Избирательный закон был всеобщим, в то время как в Ганновере сохранялся сословный принцип формирования ландтагов, которые, по мнению Штюве, и должны были определять состав делегатов (Kaune and Reese, 1972: 246).

¹¹ В эти дни в Ганновере шла острая дискуссия вокруг реформирования верхней палаты ландтага, в которой часть дворянства отстаивала прерогативу верхней палаты как исключительно дворянской по составу (Ipsen, 2019: 136-140).

собрание планировало учредить ее самостоятельно, привело к обратному результату: 23 мая ганноверскому представителю в бундестаге было предписано голосовать против этой идеи (Roth and Merck, 1850: 526-527).

Опасаясь, что германские монархические правительства будут оттеснены от участия в выработке общей конституции, Штюве питал особую надежду на постановление бундестага от 3 мая 1848 г. о формировании трехчленной Директории как о последнем шансе обеспечить интерес правительств в Германии (Stüve, 1903: 29). В Ганновере идея Директории вызвала живой отклик, особенно вопрос о кандидатуре от второстепенных германских государств – 22 мая Ганновер даже уведомил другие правительства о своей поддержке кандидатуры саксонского «мартовского» министра Л. фон дер Пфортена на пост третьего члена будущей Директории (Roth and Merck, 1850: 527-529).

Эта надежда вскоре обернулась для Штюве новым разочарованием. Вместо желаемой им Директории Национальное собрание поддержало идею создания временного имперского правительства и тем самым проигнорировало постановление бундестага, что, по мнению Штюве, было грубым нарушением законного порядка (Stüve, 1903: 57-58). Выбор австрийского эрцгерцога Иоганна, которому Штюве вначале симпатизировал, не спасло ситуацию: Штюве считал, что нерешительность и отстраненность эрцгерцога приведут к диктатуре революционного большинства и откроют путь даже к республике.

Отношение Штюве к учреждению временного имперского правительства было опубликовано в официальном обращении ганноверского правительства к ландтагу от 7 июля 1848 г. В нем ганноверский кабинет хотя и признавал юрисдикцию эрцгерцога Иоганна, но одновременно выражал протест против учреждения центрального органа, который

ограничивает права и суверенитет монархов свыше разумных пределов, и от имени короля заявил о неодобрении такой конституции, «которая не обеспечивает в необходимой степени самостоятельность государств Германии» (Acten-Stücke, 1848: 1220-1221). То, что это письмо было трансляцией идей Штюве, он сам не скрывал и даже гордился своим идейным авторством (Kaune and Reese, 1972: 253-254), даже несмотря на то, что это письмо спровоцировало во Франкфурте бурное обсуждение и новые обвинения Ганновера в партикуляризме и сопротивлении национальному единству. Во избежание усугубления конфликта ганноверский кабинет все же 21 августа официально признал правительство Иоганна.

После конфликта вокруг письма ганноверского правительства, а также после самороспуска бундестага 12 июля, что стало для Штюве новым тяжелым ударом, он принял принципиальное решение перейти к более осторожной политике, соглашаясь и принимая решения Национального собрания без официальных протестов или возражений, но затягивать их исполнение, дожидаясь, пока протест против Франкфуртского парламента не наберет силу в других германских государствах (Kaune and Reese, 1972: 256). Здесь его главной проблемой стало растущее сопротивление короля. Эрнст Август, который был ярким противником вмешательства Национального собрания во внутренние дела его королевства, считая пассивное сопротивление уступкой революционному давлению, перешел к тактике прямого саботажа постановлений из Франкфурта, особенно в щепетильном для него вопросе командования ганноверской армией. В начале августа король необдуманно спровоцировал новый конфликт, запретив парад ганноверских войск с революционными знаменами и эмблемами на форме, как того требовало предписание имперского правительства. Хотя Штюве все же удалось убедить короля отозвать свой запрет, это не способствовало

их примирению, сотрудничество короля и Штюве оставалось по преимуществу ограниченным¹².

После того как Штюве сформулировал для себя тезис, что Национальное собрание «представляет не народ во всей его совокупности, а лишь его часть» (Kaune and Reese, 1972: 251), его отношение к любым действиям этого парламента было предопределено: до тех пор пока князья и их правительства не будут допущены к участию в рассмотрении общенациональных вопросов и не получат свое представительство в соответствии с прежней правовой системой, подлинной законности решения Национального собрания иметь не будут. Это убеждение руководило Штюве и в оценке работы Национального собрания над «Основными правами немецкого народа», и в разработке проекта германской конституции. В критике Штюве звучали приблизительно одни и те же пункты: чрезмерная ограниченность компетенций и прав земельных правительств в сравнении с центральной властью, слишком слабое положение главы империи перед парламентом, перспектива заполнения представительной власти демократами из-за слишком широкого избирательного закона и т. д.

Причем в отношении «Основных прав немецкого народа» интересно, что Штюве критиковал не столько сам проект (многие его положения он, наоборот, даже поддерживал (Kaune and Reese, 1972: 260)), сколько те методы, которыми Национальное собрание пыталось обеспечить их поддержку: например, им было высмеяно распоряжение имперского правительства от 22 октября 1848 г. отдельным правительствам признать

вступившими в силу часть пунктов «Основных прав», которые еще даже не были утверждены во Франкфурте (Kaune and Reese, 1972: 257). Это обнаруживало в Штюве не столько доктринера и принципиального противника всего, что утверждалось Национальным собранием, сколько противника методов и претензий революционных органов на единоличное утверждение общенемецких законов¹³.

Последним вопросом, который сформировал политический портрет Штюве в 1848 г. и предопределил его отношение к обсуждаемому во Франкфурте проекту конституции, был австрийский вопрос. По мере того как осенью 1848 г. в Национальном собрании наблюдался раскол между либералами-«малогерманцами», возглавляемыми Г. фон Гагерном, и «великогерманцами» под руководством К.Т. Велькера (Ростиславлева, 2014: 197-198), Штюве, вопреки тому, что на севере Германии была сильна поддержка малогерманцев, почти сразу примкнул к великогерманцам, опиравшимся на южнонемецкие земли. Учитывая прежние примеры политического самоопределения Штюве, это, однако, не является неожиданным. Для него присутствие Австрии в Германском союзе оставалось такой же нормой закона, как и земельные права монархов и другие порядки, за нарушение которых он столь сильно критиковал революционные органы. Более того, Штюве прекрасно понимал, что ослабление Австрии неизбежно означало усиление Пруссии и опасность для территориальной целостности Ганновера. Уже по этим двум причинам он не мог примкнуть к малогерманскому направлению.

косвенно приходит к тем же выводам: в его изложении значительную долю конфликта составлял вопрос не о содержании «Основных прав», а о прерогативе короля или Национального собрания утверждать законы в королевстве (Ipsen, 2019: 151-154).

¹² В 1851 г., уже после своей отставки, Штюве вспоминал, что в периоды кризисов король бывал удивлен и даже растроган, если видел, что Штюве выражал ему поддержку (Stüve, 1900: 417).

¹³ Й. Ипсен, анализируя конфликт между ганноверским правительством и ландтагом весной 1849 г., завершившийся роспуском последнего,

Однако и к великогерманской концепции в том виде, в котором она фигурировала на обсуждениях во Франкфурте, Штюве относился не без опасения. Его беспокоило, что, согласно второму и третьему параграфам проекта конституции, никакая часть Германии не может одновременно являться частью другого государства, ее связь с другими государствами может допускаться лишь в личной унии. Таким образом, Австрия должна была либо отказаться от своих немецких территорий, либо полностью покинуть будущую Германию. Для Штюве в силу вышеописанных причин была неприемлемой сама постановка вопроса, где альтернативами выступали либо раздел Австрии, либо ее изгнание из Германии.

Уверенности в своей позиции Штюве придавало и то, что к малогерманскому пути склонялись в основном малые княжества, в то время как Австрия и другие средние королевства (Бавария, Вюртемберг и Саксония) все больше становились в оппозицию к Франкфуртскому собранию. С огромным воодушевлением им была встречена программа нового главы австрийского правительства князя Шварценберга, о которой он писал в «*Hannoversche Zeitung*» 8 января 1849 г.: «То, что мы давно предсказывали, сбывается. Внутренне укрепившаяся Австрия объявляет, что она не хочет быть вытеснена из Германии, что ее представители останутся во Франкфурте, что Франкфуртскому собранию не дано право единолично принимать решения» (Kaune and Reese, 1972: 264).

Этот энтузиазм, впрочем, также не был безграничным и постепенно уступал место новым тревогам, особенно после принятия Австрией конституции 4 марта 1849 г., закрепившей неделимость империи. Для Штюве, «пока эта австрийская конституция имеет силу, в Германии невозможна вообще никакая конституция» (Stüve, 1903: 192).

Отказ прусского короля от имперской короны 3 апреля 1849 г. и крах политики

Франкфуртского национального собрания, таким образом, обозначил для Штюве не столько победу над революционным произволом, сколько новый виток противоречий, в котором Австрия и Пруссия явно оказывались по разные стороны баррикад, и целью Ганновера теперь было не столько занять ту или иную сторону (Штюве видел в победе любой стороны угрозу для Ганновера), сколько, лавируя между «Сциллой австрийской реакции» и «Харибдой прусского экспансионизма» (Anderson, 1981: 48-49), искать поддержку у остальных средних государств и способствовать всеми силами возрождению бундестага в его реформированном виде с представительным и судебными органами (Kaune and Reese, 1972: 272) – цель, которую Штюве сформулировал еще в своей программе 17 марта 1848 г., и которая так или иначе оставалась основой его, на первый взгляд, хаотичных и резких переходов, будь то вступление в Союз трех королей весной 1849 г. или возврат с остальными средними германскими королевствами на проавстрийские позиции в 1850 г.

Источники

Acten-Stücke der neunten allgemeinen Stände-Versammlung des Königreichs Hannover. Erste Diät. Hannover: Helwingsche Hofbuchhandlung, 1848.

Briefwechsel zwischen Stüve und Detmold in den Jahren 1848 bis 1850 / Hrsg. von G. Stüve. Hannover-Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1903.

Quellensammlung zum deutschen öffentlichen Recht seit 1848 / Hrsg. von P. Roth und H. Merck. Bd. I. Erlangen: Palm und Enke, 1850. 554 S.

Литература

Ростиславлева, Н.В. Приоритеты Франкфуртского парламента // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 11-12 декабря 2014 г. Сб.

науч. статей: В 2-х частях. Ч. 2 / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2015. С. 193-201.

Стерхов, Д.В. Ганноверский вопрос во внешней политике Пруссии в начале XIX века (1801–1806 годы) // Новая и новейшая история. 2022. № 2. С. 38-47.

Anderson, M.L. Windthorst. A political biography. Oxford: Oxford University Press, 1981. 522 p.

Hassel, W. von. Geschichte des Königreichs Hannover. Unter Benutzung bisher unbekannter Aktenstücke. Teil. 1. Von 1813 bis 1848. Bremen: Heinsius, 1898. 658 S.

Ipsen, J. Das Reformwerk Johann Carl Bertram Stüves. Bürgermeister und Deputierter der Stadt Osnabrück – Innenminister des Königreichs Hannover. Göttingen: V&R, 2019. 208 S.

Johann Carl Bertram Stüve (1798–1872). Beiträge zu Leben und Werk / Hrsg. von C. van den Heuvel, T. Brakmann, N. Reißig. Göttingen: Wallstein, 2024. 363 S.

Johann Carl Bertram Stüve, nach Briefen und persönlichen Erinnerungen. Bd. 2. 1848–1872. Hannover-Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1900. 446 S.

John, M. Liberalism and society in Germany, 1850–1880: the case of Hanover // English Historical Review. 1987. Vol. 102. № 404. Pp. 579-598.

Kaune, R., Reese, A. Johann Carl Bertram Stüve und die Deutsche Frage 1848/49 // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 22. 1972. S. 233-274.

Sources

Acten-Stücke der neunten allgemeinen Stände-Versammlung des Königreichs Hannover. Erste Diät (1848) [Documents of the ninth general assembly of the Kingdom of Hanover. First diet], Helwing's court bookstore, Hanover, Germany (in Germ.).

Stüve, G. (ed.) (1903), *Briefwechsel zwischen Stüve und Detmold in den Jahren 1848 bis 1850* [Stüve-Detmold Correspondance in 1848-1850], Hahn bookstore, Hanover-Leipzig, Germany (in Germ.).

Roth, P. and Merck, H. (ed.) (1850), *Quellensammlung zum deutschen öffentlichen Recht seit 1848. Bd. I.* [Source collection on German public law since 1848. Vol. 1], Palm and Enke, Erlangen, Germany (in Germ.).

References

Anderson, M. L. (1981), *Windthorst. A political biography*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Hassel, W. von (1898), *Geschichte des Königreichs Hannover. Unter Benutzung bisher unbekannter Aktenstücke Teil 1. Von 1813 bis 1848* [History of the Kingdom of Hanover using previously unknown documents. Part 1. From 1813 to 1848], Heinsius, Bremen, Germany (in Germ.).

Heuvel, C. van den, Brakmann, T. and Reißig, N. (eds), (2024), *Johann Carl Bertram Stüve (1798-1872). Beiträge zu Leben und Werk* [Johann Carl Bertram Stüve (1798–1872) Articles on his life and work], Wallstein, Göttingen, Germany (in Germ.).

Ipsen, J. (2019), *Das Reformwerk Johann Carl Bertram Stüves. Bürgermeister und Deputierter der Stadt Osnabrück – Innenminister des Königreichs Hannover* [The reform work of Johann Carl Bertram Stüves, Mayor and Deputy of the city of Osnabrück – Minister of the Interior of the Kingdom of Hanover], V&R, Göttingen, Germany (in Germ.).

Johann Carl Bertram Stüve, nach Briefen und persönlichen Erinnerungen. Bd. 2. 1848–1872 (1900) [Johann Carl Bertram Stüve, based on letters and personal memories. Part 2. 1848–1872], Hahn bookstore, Hanover-Leipzig, Germany (in Germ.).

John, M. (1987), “Liberalism and society in Germany, 1850–1880: the case of Hanover”, *English Historical Review*, 102 (404), 579-598.

Kaune, R. and Reese, A. (1972), “Johann Carl Bertram Stüve and the German Question in 1848–49”, *Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte* [Lower Saxony Yearbook for Regional History], 22, 233-274 (in Germ.).

Rostislavleva, N. V. (2014), “Priorities of the Frankfurt Parliament”, *Tavrisheskie chteniya 2014. Aktualnye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost. 11-12 dekabrna 2014 g. Sbornik nauchnykh statey: V 2 ch. Ch. 2* [Tauride Readings 2014. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity. December 11-12, 2014. Collection of scientific articles: In 2 parts. Part 2], ElekSis, St. Petersburg, Russia, 193-201 (in Russ.).

Sterkhov, D. V. (2022), “The Hanoverian question and Prussian foreign policy in the early nineteenth century (1801–1806)”, *Modern and Contemporary History*, 2, 38-47 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Даценко Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Государственный

академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Datsenko, PhD in History, Assistant Professor at the Faculty of History, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia; dacenko3322@mail.ru